

Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. – 43 с.

ISBN 5-85494-012-4

Содержание

От автора	4
О чем этот очерк	5
Личность и стереотипы ее понимания	7
Что такое личность?	7
Индивидуальность или тип?	9
Парадоксы личностных черт	12
«Внешняя оболочка» личности	15
Характер	15
Способности	19
Роли	20
Внутренний мир личности	24
Человек в мире и мир в человеке	24
С чего начинается смысл: потребности и ценности	26
Отношения	27
Конструкты	29
Смысл жизни	30
Опорный «скелет» личности	33
В поисках высшего уровня	33
Свобода, ответственность и духовность	34
Пути, которые нам выбирают	36
Я- последняя инстанция в личности	40
Вместо заключения	43

От автора

Эта брошюра выросла из заказанной мне главы о личности для издания, задуманного как популярная энциклопедия по психологии. Мне было неинтересно идти традиционным путем, развлекая читателя выдержками из психоанализа, транзактного анализа и образцами американских экспериментов. У меня уже накопилась критическая масса собственных взглядов на личность - достаточно критическая, чтобы критически отнестись к существующим на сегодняшний день подходам. Не имея возможности в ближайшее время изложить эти взгляды в жанре традиционной монографии, я решил воспользоваться возможностью жанра популярного. Мне однако постоянно приходилось решать проблему сочетания серьезности содержания и доступности изложения, избегать одновременно и чрезмерного усложнения и чрезмерного упрощения, присущего жанру популярной литературы. Я не собирался заигрывать с теми читателями, которые любят получать все в разжеванном виде, разложенное по полочкам и с расклеенными этикетками. Я ориентировался на читателя с высшим или незаконченным высшим образованием (не обязательно психолога), которому интересны проблемы внутреннего мира - как своего, так и окружающих людей, - и который более или менее привычен к такого рода чтению. Вместе с тем, поскольку целый ряд представленных в «Очерке» положений претендует на новизну, профессионалы в области психологии личности также могут извлечь из него пользу. Конечно, уровень доказательности положений, содержащихся в «Очерке», не вполне соответствует требованиям жанра академической науки, но (об этом более подробно сказано в следующем параграфе) доказывать имеет смысл только то, что претендует на истинность. В психологии же говорить об истинности теории еще труднее, чем в точных науках, которые в нашем веке уже отказались от

притязаний на нее. Движение знания и понимания не имеет конечной точки назначения. Оно и является целью и смыслом данного «Очерка».

Москва, март 1993 г.

О чем этот очерк

Проблема личности в психологии - проблема необъятная, охватывающая огромное поле исследований. Отчасти в силу растяжимости понятия «личность», отчасти из-за того, что такие слова как «личность», «характер», «темперамент», «способности», «потребности», «смысл» и многие другие входят не только в систему научных понятий психологии личности, но и в наш повседневный язык, вокруг проблемы личности ведется очень много споров и дискуссий - ведь почти каждый в какой-то степени считает себя специалистом по проблеме личности! При этом существует слишком мало достоверных, экспериментально обоснованных данных, чтобы на их основе можно было уверенно признать одну теорию правильной, а другую - нет, оценить истинность каждой из сталкивающихся точек зрения. Да и что такое истина? Традиционно выявление истины считалось основной задачей любой науки. Считалось, что чем дальше идет развитие какой-нибудь науки, тем ближе она в тех или других областях приближается к познанию того, что есть «на самом деле», в действительности. Эта точка зрения подвергалась аргументированной критике с давних пор, однако именно в нашем столетии бурное развитие философии и методологии науки привело к окончательному разрушению этих традиционных воззрений. Стало ясно, что объективная истина в принципе вообще недостижима, потому что между познающим человеком и объективной реальностью стоит множество барьеров в виде орудий познания, которыми человек пользуется, в виде языка, на котором он описывает наблюдаемые явления, в виде теоретических схем, с помощью которых он структурирует и объясняет наблюдаемое, и многого другого. Все эти промежуточные звенья между действительностью и познающим субъектом настолько сильно влияют на то, что мы получаем в процессе познания, что говорить о постижении истины в этом процессе оказывается явно неправомерным. Наиболее точное, на мой взгляд, определение сущности науки, причем любой науки, заключается в том, что развитие науки связано с развитием и усложнением различных образов реальности. Научный прогресс состоит в том, что мы приобретаем более точные и более полные образы реальности (критерием в данном случае является практика). Мы строим такие картины мира, которые позволяют объяснить все то, что было объяснено раньше, плюс еще что-то. То есть появляется возможность или более дифференцирование, детально, тонко описывать и объяснять реальность (и на этой основе строить свои действия), или охватывать объяснением также такие фрагменты действительности, которые раньше объяснить не удавалось. Исходя из этого, я поставил своей задачей попытаться построить такое представление, такой образ личности под психологическим углом ее рассмотрения, который бы в наибольшей степени мог помочь нам в повседневном столкновении с такой реальностью, как личность - в лице как самих себя, так и других людей. При этом особое внимание я хотел бы уделить некоторым мифам или предрассудкам по отношению к личности, которые бытуют в обыденном, точнее, в обывательском сознании, и которые порой пропагандируются в научно-популярной литературе. Эти мифы опираются на свойственную почти каждому человеку потребность в простоте. Они дают простые объяснения сложных явлений и не требуют от человека размышлений, поэтому они так привлекательны. Единственный их недостаток - они имеют мало общего с действительностью. Подобно пародиям и шаржам, они выхватывают одну черту из картины реальности и раздувают ее до максимальных размеров, а остальное игнорируют. Эти мифы подобны наркотикам для сознания, поэтому их развенчанию в дальнейшем будет уделяться довольно большое место. Я хотел бы, чтобы читатели смогли выйти за рамки расхожих, очень удобных, однако слишком упрощенных схем и попытались увидеть несколько больше граней в том, в чем мы привыкли видеть, может быть, несколько более простые вещи. Я специально оговорился насчет обыденного и обывательского мышления, потому что мне не очень нравится противопоставление обыденного и научного познания. Ведь эпитет «научный» очень неоднозначен, в нем содержится некоторая замкнутость, отрыв от практики, от жизни. Можно точнее охарактеризовать то движение, которое

я постараюсь проделать, как движение от обывательского мышления, которое отягощено мифами и предрассудками, к познанию личности, которое я бы назвал серьезным, то есть по возможности свободным от предрассудков и пристрастий, искажающих картину мира.

Итак, начнем разговор о том, что мы видим в личности, и что мы в ней можем увидеть.

Личность и стереотипы ее понимания

Что такое личность?

Слово «личность» часто употребляется в обывательской речи и даже иногда в научной литературе применительно не к каждому человеку, а лишь к некоторым, заслуживающим особого уважения: «Вот это личность! А тот - разве это личность?» Можно только порадоваться за наше общественное сознание, которое медленно, с трудом, но наконец дошло до понимания ценности личности, и на смену образам человека-винтика и человека-фактора пришел образ человека-личности. И хотя нельзя не согласиться с тем, что личность - это хорошо, следует с самого начала поставить все на свои места: личность - не оценочная категория, личность присуща каждому человеку, по крайней мере начиная с определенного возраста. Только так можно всерьез говорить о личности как о предмете научного познания. Если же пойти другим путем и только избранным присваивать почетное звание личности, то вопрос «что есть личность?» теряет свой смысл. Он подменяется другим вопросом - вопросом «кто есть личность?», ответ на который всегда зависит от того, кому мы его задаем - у каждого времени и у каждой даже не страны а компании свой «герой». Если же мы признаем, что личность есть достояние каждого человека, то, что, собственно, и делает его человеком, перед нами открывается возможность объективного научного анализа того, в чем состоит сущность личности. Хотя эта проблема еще отнюдь не решена, на сегодняшний день в психологии накопилось уже немало того, что можно сказать о личности.

Будем отталкиваться от четырех простых аксиом: 1. Личность присуща каждому человеку. 2. Личность есть то, что отличает человека от животных, у которых личности нет. 3. Личность есть продукт исторического развития, то есть возникает на определенной ступени эволюции человеческого общества. 4. Личность есть индивидуальная отличительная характеристика человека, то есть то, что отличает одного человека от другого. Общаясь с людьми, мы прежде всего ориентируемся на особенности их личностного склада.

На философском уровне основное отличие человека от животных определяется тем, что человек - существо общественное, то есть взаимодействует с миром не один на один, вооруженный лишь своим индивидуальным опытом, а использует опыт, накопленный человечеством и присвоенный им через социальные механизмы передачи этого опыта (общение, речь, знаковые механизмы культуры). Вместе с тем на ранних этапах становления человеческого общества социальные узы были столь прочны, что человек не обладал отдельным существованием в отрыве от социальной группы. У него не было еще ни осознания себя как отдельного человека, ни механизмов регуляции его индивидуального поведения, отличных от групповых механизмов социальной регуляции. Лишь постепенно общественный человек начинает заново обретать автономное существование - но уже на новом, высшем уровне, не имеющем ничего общего с автономным существованием животных. Человек не отрывается от социального опыта и социальных механизмов регуляции поведения, а вбирает их в себя (интериоризирует), строя на этой основе свой внутренний мир. Обладая внутренним миром, человек становится носителем социально выработанных форм поведения и накопленного опыта. Ему уже не обязательно жить постоянно в социальном окружении; он носит свою социальность в себе. Это значит, что он обрел личность или стал личностью, что в данном случае одно и то же. Таким образом, под философским углом зрения личность - это способность человека (или человек, способный) выступать автономным носителем общечеловеческого опыта и исторически выработанных человечеством форм поведения и деятельности. Разумеется, здесь не может идти речь обо всем опыте человечества - каждый отдельный человек осваивает лишь небольшую часть его, с которой он соприкасается в процессе своего развития и которую он в состоянии освоить. При этом, во-первых, каждое новое усваиваемое извне содержание преломляется через уже сформировавшиеся

к данному моменту структуры внутреннего мира, и, во-вторых, будучи усвоено, оно не сохраняется неизменным на протяжении жизни человека, а изменяется по специфическим законам динамики внутреннего мира, которые еще очень мало изучены.

В своем индивидуальном развитии от момента рождения до зрелости каждый человек проходит тот же путь - от слияния с целым и зависимости от него к обретению независимости. Здесь, однако, в качестве первичной социальной ячейки выступает диада «ребенок - мать», отношения в которой характеризуются некоторыми авторами как психологический симбиоз. Понятие симбиоза пришло из биологии, где оно обозначает форму совместной жизни двух видов животных или растений, при которой они удовлетворяют определенные потребности друг друга и тем самым друг от друга зависят; по отдельности они либо вообще не могли бы существовать, либо испытывали бы большие трудности. Этим же понятием психологи описывают отношения младенца с матерью: без нее он не в состоянии осуществлять свою жизнедеятельность, взаимодействовать с миром один на один. Она является для него одновременно частью его мира и посредником в его взаимодействии с ним.

Развитие ребенка приводит к постепенному освобождению от этой зависимости, которое проходит ряд этапов и критических точек. Некоторые из них хорошо известны. Это так называемый «кризис трех лет», когда ребенок пытается утверждать свое Я настойчивым «Я сам!» и демонстративным неподчинением любым указаниям родителей. Это и пресловутый подростковый кризис, когда потребность в самостоятельности достигает своего высшего накала, и игнорирование родителями этой потребности может привести к тяжелым семейным конфликтам. Официальная граница совершеннолетия - 16-18 лет - в среднем примерно соответствует периоду завершения созревания тех личностных механизмов, которые позволяют человеку взаимодействовать с миром один на один, самостоятельно. Конечно, так бывает не всегда. Во-первых, в случаях выраженного невротического развития симбиотическая зависимость от матери может сохраняться многие годы после наступления совершеннолетия, иногда до самой смерти одного из участников этой нездоровой связи. Во-вторых, иногда симбиотическая зависимость от матери может сменяться другой зависимостью, например, конформистской зависимостью от мнения окружающих, которая также лишает личность свободы самовыражения, самостоятельности в отношениях с миром.

При этом важно учитывать два обстоятельства. Во-первых, сказанное не означает, что до достижения рубежа автономии личности еще нет. Начало личности нельзя обозначить четким рубежом, даже таким, как 3-4 года, на который указывают некоторые авторы. Отдельные проявления личности можно наблюдать и в возрасте . одного года, и даже раньше. Дело в том, что личность - это не однозначно описываемая структура, про которую можно в каждом конкретном случае точно сказать: она есть или ее нет. Скорее, личность - это форма существования человека, которая поначалу занимает едва заметное место среди других, более примитивных форм его существования, затем все большее и большее и, наконец, становится абсолютно преобладающей. Существуют, конечно, ситуации, в которых даже взрослые зрелые люди как бы отказываются от того, чтобы быть личностью, действовать как личность. Это хорошо изученные психологами феномены толпы и паники, когда индивидуальное Я растворяется в едином массовом порыве.

Во-вторых, развитие личности не завершается с обретением автономности и самостоятельности. Оно проходит еще длинный путь, одним из этапов которого является достижение самодетерминации, самоуправления, независимости от внешних побуждений, другим - реализация личностью заложенных в нее сил и способностей, третьим - преодоление своего ограниченного Я и отождествление с более общими глобальными ценностями... Механизмы развития зрелой личности изучены в психологии пока еще очень слабо, намного хуже, чем механизмы развития личности в детстве и при психических отклонениях. Кое-что будет об этом рассказано в последующих разделах, однако в целом это область для будущих исследований.

Обрисовав в общих чертах сущность личности, я перехожу к рассмотрению некоторых мифов о ней.

Индивидуальность или тип?

Существует известный психологический тест под названием «Кто я?». От человека требуется за пять минут написать на листочке бумаги как можно больше характеристик, дающих ответ на вопрос «кто я?». Эти характеристики представляют собой интереснейший материал для анализа того, что видит человек в самом себе (изнутри) и каким он видит себя (извне). Отталкиваясь от этих самоописаний, чрезвычайно удобно будет рассмотреть, «из чего состоит» личность.

Довольно часто встречаются предельно общие характеристики: кто я? - «человек», «личность». Нет сомнения в том, что человечество принципиально едино и люди едины, то есть то, что связывает всех людей между собой, их общая человеческая сущность, человеческая природа, принадлежность человечеству, более существенно, чем то, что их различает, разъединяет. Любой человек может сказать другому человеку знаменитую кипплинговскую формулу: «Мы с тобой одной крови - ты и я».

Встречаются и, наоборот, характеристики сугубо индивидуальные. В анализ такого рода характеристик я бы вдаваться не хотел: написать на любого человека подробную описательную характеристику, включающую множество его индивидуальных черточек очень легко, а систематизировать эти черточки гораздо труднее. Исходя из целей, которые я сформулировал в самом начале, я думаю, что прежде всего следует сосредоточиться на том, что объединяет людей между собой и что их одновременно различает, то есть на каких-то общих характеристиках, которые присущи не всем, но более чем одному человеку.

Из такого рода характеристик прежде всего следует назвать типологические «ярлыки». Клеить на себя и на других ярлыки - это один из наших самых любимых способов познания личности. В самоописаниях это один из любимых способов ответа на вопрос «кто я?», а в обыденной жизни - на вопрос «кто ты такой?». Когда мы описываем себя и других с помощью таких ярлыков, мы относим себя и других к каким-то типам. С типологиями мы сталкиваемся на каждом шагу. Приведу несколько примеров. Скажем, нозологический подход в психиатрии относит людей с теми или иными признаками психических аномалий к типам невротиков, психопатов, шизофреников и т.д. Астрология описывает «львов» и «близнецов», «стрельцов» и «водолеев», а также «крыс», «петухов», «собак», «драконов»... Еще один вариант типологий характерен сейчас для нашей общественной и политической жизни: «левые» и «правые», «радикалы» и «консерваторы», «экстремисты» и «прагматики» и т.д. Наконец, надо вспомнить господствовавшую в педагогической и психолого-педагогической литературе, особенно в 60-е - 70-е годы, но бытующую кое-где и по сей день типологию школьников по «направленности» их личности. Она различает «индивидуалистов» и «коллективистов»; иногда еще выделяется дополнительно «деловой» тип направленности. Вообще типологий может быть сколько угодно, их очень легко изобретать. Так, герой философско-юмористического романа В. Пьецуха делит всех людей на восемь «наций»: крохоборы, бессребреники, простофили, бандиты, работники, святые, мыслители, идиоты*.

Чем же так привлекательно типологическое мышление?

1) Универсальностью. Наклеивание «ярлыков» срабатывает всегда. Нет человека, которого с первого взгляда нельзя было бы подвести под какой-то тип. Более того, одного человека можно подвести под неограниченное количество типов.

2) Это путь наименьшего сопротивления при познании личности, так как, по сути, отнесение человека к какому-то определенному типу избавляет нас от необходимости познавать его дальше. Если мы, допустим, определяем человека как хулигана или вундеркинда, уже нет необходимости проникать в него глубже и познавать, чем один хулиган отличается от другого хулигана. Если мы двух людей назвали хулиганами, то различия между ними нас уже мало интересуют. И дальше, действуя как-то по отношению к этим людям, мы уже ориентируемся не на самого человека, а на тот типологический ярлык, который мы ему дали.

Облегчая нам жизнь, типологическое мышление оказывает нам одновременно медвежью услугу. В чем она выражается?

*Пьецух В. Предсказание будущего. М., 1989, с. 278.

1. Как уже было сказано, типологизация останавливает дальнейшее познание. Подведение под тип дает нам знание не о самой личности, а о соответствии ее нашей типологии. Мы не можем узнать о человеке ничего сверх того, что заложено в саму типологию.

2. Подводя человека под определенный тип, мы делаем его равным самому себе. Изменение невозможно. Непонятно, как хулиган может стать не хулиганом, экстремист - не экстремистом, а невротик - здоровым. Тем самым мы консервируем человека, помещаем его в заранее определенную ячейку. Борису Пастернаку принадлежат замечательные слова: «Принадлежность к типу есть конец человека, его осуждение. Если его не подо что подвести, если он не показателен, половина требующегося от него налицо. Он свободен от себя, крупица бессмертия достигнута им».

3. Типологические обозначения почти всегда категоричны. Человек оказывается либо хулиганом, либо не хулиганом, либо левым, либо правым, либо коллективистом, либо индивидуалистом. В рамках типологического подхода промежуточные стадии и градации невозможны - нельзя быть немножко хулиганом или слегка правым. Или все, или ничего.

4. Оценочность. Не всем, но большинству типологических характеристик присуща или положительная или отрицательная оценка.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. Отличительная особенность психологического подхода к личности, в отличие, например, от традиционного педагогического, заключается в его безоценочности. Это не значит, что оценка отсутствует вообще, или разные формы поведения оцениваются одинаково. Речь идет о том, что оценка формируется уже после восприятия человека, сначала воспринимается объективно человек и то, что он делает, и уже после этого, отдельно, в случае необходимости дается оценка. Традиционная же педагогика по своему замыслу, по определению исходит из необходимости сформировать некоторые идеальные типы, качества, и всегда смотрит на конкретного человека уже через призму этого идеала, что мешает видеть человека самого по себе. Типологический подход к личности по нагруженности оценочными характеристиками близок традиционному педагогическому подходу. Нет нужды добавлять, что сегодня немалую силу приобрела творческая струя в педагогике, смыкающаяся с психологическим подходом, однако традиционная педагогика еще отнюдь не отошла в историю.

5. Некоторая искусственность. Это связано с тем, что каждый тип основывается на каком-то одном качестве личности, которое абстрагируется и раздувается до таких размеров, чтобы охарактеризовать человека в целом. По сути, тип всегда на этом строится, то есть одно качество выделяется как определяющее и становится обозначением этого типа. Все типологии, по словам одного из основоположников психологии личности Г. Олпорта, устанавливают границы там, где границ нет. И любая типология определяется задачами, которые мы ставим. Отнесение человека к определенному типу является не познанием человека как такового, а познанием того, как он соотносится с какими-то нашими задачами.

Итак, отнесение человека к определенному типу не является познанием человека. Но было бы неверным сказать, что это вредно, не нужно и т.д. Оно может дать ответы на какие-то конкретные практические вопросы. Например, в ситуации профориентации, где стоит совершенно конкретная проблема сопоставления склонностей конкретных людей и различных типов профессий, типология играет конкретную практическую роль. В другой ситуации - возьмем ту же нозологию в психиатрии - тоже стоит практическая задача найти формы лечения, определить режим и т.д. Здесь тоже в соответствии с определенной практической целью типология работает. И те политические ярлыки, которые я называл, тоже работают в конкретной практической ситуации. То есть все типологии работают в рамках решения конкретных практических задач, но вне этих задач, сами по себе какой-то самостоятельной познавательной ценности не несут.

И второй вывод, который можно сделать из сказанного: если типологии и ярлыки абстрагируют какой-то отдельный сегмент личности, то противоположный путь, ведущий ближе к истинному познанию - это путь познания личности в разных гранях, разных аспектах и проявлениях, не сводя ее к какому-то одному общему обозначению.

Парадоксы личностных черт

Следующий вид характеристик, встречающихся в самоописаниях чаще всего - это констатация тех или иных черт личности: «ворчливый», «добрый», «честный», «рассудительная», «целеустремленная», «злопамятная» и т.д. Описание личности на языке черт является наиболее распространенным в повседневной жизни. Это, пожалуй, наиболее привычный язык, который позволяет описывать себя и других более выпукло и дифференцированно, который лишен категоричности и искусственности типологических ярлыков.

Что такое черта? Мы говорим, что человек такой-то, если он проявляет определенную склонность устойчиво воспроизводить одни и те же особенности поведения. Если я себя (или другого) раз поймал на злопамятности, два поймал на злопамятности, три, я делаю вывод, что я (или, соответственно, он) злопамятный. Две основные характеристики черт - это их устойчивость (под чертами понимаются некоторые устойчивые личностные характеристики, которые во времени склонны относительно мало меняться) и обобщенность (то есть это то, что проявляется не в одной какой-то ситуации, а в разных). При этом есть черты сугубо индивидуальные, которые мало у кого повторяются, а есть и такие, по которым можно сравнить большое количество людей.

Но если говорить о таких чертах личности, как обобщенность и устойчивость, встает вопрос: в каких пределах сохраняется это постоянство? Одна и та же черта проявляется в схожих ситуациях. Ситуация меняется; черта опять проявляется. Ситуация меняется сильнее, ситуация меняется еще сильнее... Вот пример, который приводит Г. Олпорт: «Исключительно методичный человек может стать неаккуратным и деморализованным, опаздывая на поезд, человек, правдивый до щепетильности, может солгать, если на карту поставлена его жизнь, более того, человек, обычно вежливый и рассудительный, может в силу специфических имеющихся у него предрассудков грубить евреям, рыжим или таксистам»*.

Возьмем еще один пример из нашей жизни: классический образ подхалима, человека, идеально приспособившегося к существованию в административном аппарате, в его несколько уже устаревшем варианте. Каковы его характерные черты? Грубость - однако лишь по отношению к подчиненным. Вежливость и предупредительность -но только с начальством. Преданность - вышестоящим, коварство - с сослуживцами. Что это - грубость или вежливость, коварство или преданность? С точки зрения здравого смысла очевидно, что все эти проявления ничуть не противоречат друг другу. Тем самым оказывается, что или нам придется описывать каждую ситуацию и характерные для нее черты по отдельности (если он общается с начальством, то ему присуща черта вежливости, если общается не с начальством, то ему присуща черта грубости, если он опаздывает на поезд, ему присуща черта неаккуратности, а если нет, то наоборот), или придется двигаться вглубь от поверхности наблюдаемых черт к каким-то более глубинным структурам, которые могли бы объяснить разные внешние проявления в разных ситуациях.

Вторая сложность, которая возникает при описании личности на языке черт - это субъективность такого описания, его зависимость от критериев оценки. Если мы называем кого-то «добродетельным», подразумевается наличие какого-то определенного критерия, критерия добродетели, которым мы пользуемся, который мы прикладываем к этому человеку и оцениваем его по соответствию или несоответствию этому критерию. Однако универсальных критериев добродетели не существует, они у всех различны, как различно и то, какими причинами мы объясняем те или иные особенности своего или чужого поведения. Поэтому то, что один оценит как упрямство, другой назовет принципиальностью, а третий твердолобостью. То, что один назовет гибкостью, другой назовет беспринципностью, а третий - свободой от предрассудков. Один назовет человека: тревожным, другой - ответственным, один - смелым, другой - агрессивным. Один - непримиримым, другой - кляузником.

Наконец, третья сложность заключается в том, что описание человека на языке черт также не дает понимания возможностей изменения этого человека. Если он такой, то он такой. Непонятно, как человек, который был трусливым, вдруг стал смелым. Таким образом, здесь приходится

* Allport G. Personality: a psychological interpretation. N.Y., 1937, p.330-331.

сделать тот же вывод: если мы стремимся к серьезному, то есть непредубежденному познанию личности, то понятие черт нас также не устраивает.

Я перехожу теперь к современным психологическим представлениям о том, как «устроена» личность - не статичная неизменная структура, а изменяющаяся личность в изменяющемся мире. В центре дальнейшего рассмотрения будут находиться элементы и подсистемы, из которых складывается личность, и их взаимоотношения между собой. Тот образ личности, который я буду строить, с одной стороны, не является стопроцентно оригинальным, с другой стороны, не является пересказом какой-либо готовой теории или набора теорий. Скорее он будет представлять собой синтез того, что наработано за последнее время разными специалистами, работающими в этой области, и будет преследовать цель, сформулированную в самом начале, - приблизиться к более многогранному и непредвзятому представлению о личности.

Начну с того, что выделю в структуре личности три иерархических уровня, сразу подчеркнув, что границы между ними достаточно условны. Высший уровень - это уровень ядерных структур личности, тот психологический скелет или каркас, на который впоследствии наслаивается, нанизывается все остальное. Второй уровень - это отношения личности с миром, взятые с их содержательной стороны, то есть, по сути, то, что обозначается понятием «внутренний мир человека». Наконец, третий, нижний уровень - это экспрессивно-инструментальные структуры, характеризующие типичные для личности формы или способы внешнего проявления, взаимодействия с миром, ее внешнюю оболочку. Я начну изложение с низшего, третьего уровня, к которому я отношу характер, способности и роли. Некоторые авторы относят к личности также особенности психофизиологической и конституциональной организации человека, но я разделяю позицию тех, кто рассматривает их как предпосылки, влияющие на некоторые особенности личности, но к самой личности не относящиеся.

«Внешняя оболочка» личности

Характер

Очень часто характер понимают как нечто, почти совпадающее с личностью или отличающееся от личности по критерию того, что к характеру относится все индивидуальное, а личность - это только общее. У нас бытовали такие взгляды в 40-е - 50-е - 60-е годы. На самом деле это, конечно же, не так. Есть такая шуточная типология, которую приводит в одной из своих книг Б.С. Братусь: «Хороший человек с хорошим характером, хороший человек с плохим характером, плохой человек с хорошим характером и плохой человек, с плохим характером»*. С точки зрения здравого смысла такая типология соответствует действительности, она работает. Это говорит прежде всего о том, что личность и характер - это не одно и то же, они не совпадают. В психологии различают личность в широком и узком смысле слова, и характер находится за пределами личности в узком смысле слова. Под характером понимают такие характеристики человека, которые описывают способы его поведения в разных ситуациях. Применительно к характеру используются такие понятия, как экспрессивные характеристики (характеристики внешнего проявления, внешнего выражения человека) или стилевые характеристики. Вообще понятие стиля довольно близко по своей сути понятию характера, но об этом чуть позже.

Замечательной иллюстрацией такого соотношения личности и характера является небольшая фантастическая повесть Генри Каттнера «Механическое эго»*. Герой, американский писатель и сценарист 50-х годов нашего века, озабочен выяснением отношений со своими работодателями, со своей девушкой и одновременно литературным агентом, защищающей его интересы, а также рядом других проблем. Неожиданно из будущего прибывает робот, который путешествовал во времени и с интересных деятелей разных времен и народов снимал и записывал «матрицы характера». Герою удается «споить» этого робота с помощью высокочастотного тока и уговорить его наложить на него некоторые матрицы. Далее герой несколько раз выходит и общается с

*Братусь Б.С. Психологические аспекты нравственного развития личности. М.: Знание, 1977, с.4.

*Каттнер Г. Колодец миров. М., 1992.

разными людьми, наложив на себя сначала матрицы характера Дизраэли, английского аристократа и политического деятеля прошлого века, затем царя Ивана Грозного, и наконец Мамонтобая из каменного века. Интересно посмотреть, что меняется и что остается неизменным при смене матриц. Неизменными остаются цели героя, его устремления, его желания, его ценности. Он стремится к одному и тому же, но действует разными путями, проявляя в одном случае утонченность и коварство Дизраэли, в другом случае - прямоту и агрессивность Мамонтобая и т.д.

Таким образом, отличие характера от личности в узком смысле слова заключается в том, что в характер входят черты, которые относящиеся к способу поведения, к формам, в которые может облекаться одно и то же по содержанию поведение.

Прежде всего надо сказать о принципиальных отличиях черт характера от общих черт, о которых речь шла выше.

Во-первых, характер - это лишь одна из подструктур личности, причем подструктура подчиненная. Развитая зрелая личность хорошо владеет своим характером и способна контролировать его проявления. Наоборот, прорывы характера, когда человек действует непосредственно по логике того, к чему его побуждают те или иные черты характера, типичны, скажем, для психопатов. Я имею в виду взрослых - что же касается детского и подросткового возраста, то это особый разговор.

Таким образом, характер занимает подчиненное положение и собственно проявления характера зависят от того, каким мотивам и целям служат в конкретном случае эти проявления. То есть черты характера не являются чем-то, что действует само по себе, проявляется во всех ситуациях.

Во-вторых, суть тех черт, из которых складывается характер, может быть прояснена через механизмы формирования характера. Прежде чем говорить об этих механизмах, зафиксируем основные мифы, которые бытуют по отношению к характеру:

1) Характер биологически определен, и с этим ничего нельзя сделать.

2) Характер полностью воспитуем, можно сформировать любой характер по желанию при специально организованной системе воздействий.

3) Есть такая очень серьезная вещь, как национальный характер, то есть существуют очень сильно отличающиеся друг от друга структуры характера, присущие разным нациям, которые существенным образом влияют на индивидуальный характер всех представителей данной нации.

В каждом мифе есть доля правды, но только доля. В характере есть действительно определенные вещи, которые связаны с биологическими факторами. Биологической основой характера является темперамент, который мы действительно получаем от рождения, и с ним нам приходится жить.

Всем известна классическая типология Гиппократов, различавшего 4 типа людей по их темпераменту: флегматики, холерики, меланхолики и сангвиники. Основой этой типологии была теория о соотношении в разных людях разных жидкостей: крови, флегмы, желтой желчи и черной желчи. В нашем столетии достаточно убедительная попытка переосмыслить основу для этой типологии была сделана И.П. Павловым, который выделил 4 типа высшей нервной деятельности на основе сочетания таких индивидуально-специфических характеристик ВНД, как сила нервных процессов, их сбалансированность и подвижность. Определенные сочетания этих характеристик дали, по сути, те же 4 типа, которые описаны Гиппократом.

У характера есть и, так сказать, макросоциальная основа. В мифе о национальном характере тоже есть доля правды. По поводу национального характера идет очень много споров в литературе. Основная проблема ставилась так: существует ли национальный характер или нет? Выяснилось очень четко, что существуют, по крайней мере, очень сильные стереотипы в отношении национального характера, то есть что представители одних наций демонстрируют достаточно стойкие убеждения в существовании у других наций определенных, комплексов черт. Более того, эти стереотипы в восприятии другой нации прямо зависят от того, как эта нация «себя ведет». Так, в ФРГ проводились исследования, посвященные отношению к французам. Было проведено 2 опроса с интервалом в 2 года, однако за эти 2 года отношения между ФРГ и Францией заметно ухудшились. При втором опросе резко увеличилось число людей, назвавших в числе

характерных черт французов легкомыслие и национализм, и резко уменьшилось число тех, кто приписывал французам такие положительные качества, как шарм, любезность.

А есть ли реальные различия между нациями? Да, есть. Но оказалось, что, во-первых, различия всегда выделяются по небольшому числу черт по сравнению с теми чертами, по которым преобладает сходство, и, во-вторых, что различия между разными людьми внутри одной и той же нации гораздо больше, чем устойчивые различия между нациями. Поэтому справедлив приговор, вынесенный американским психологом Т. Шибутани: «Национальный характер, несмотря на разнообразные формы его изучения, во многом подобен респектабельному этническому стереотипу, приемлемому прежде всего для тех, кто недостаточно близко знаком с народом, о котором идет речь»*. По сути, представление о национальном характере является формой проявления того самого типологического мышления, о котором уже говорилось. Определенные минимальные различия, которые реально существуют (например, темперамент южных народов) и которые менее существенны, чем сходство, берутся как основа для определенного типа. Типологическое мышление, как уже говорилось, отличается прежде всего категоричностью (или одно, или другое), отсутствием градаций, выделением чего-то частного и раздуванием его за счет игнорирования всего остального. Таким образом появляется мировоззренческий монстр под звучным названием «национальный характер».

Существует и так называемый социальный характер, то есть некоторые инвариантные особенности характера, присущие определенным социальным группам. У нас в свое время было модно говорить о классовом характере, и за этим действительно стоит некоторая реальность. Также было модно говорить о каких-то характерологических особенностях бюрократов, управленцев и т.д. За этим тоже стоит определенная реальность, связанная с тем, что характер формируется в реальной жизни человека, и, в меру общности тех условий, в которые попадают представители одних и тех же классов, социальных групп и т.д., у них формируются некоторые общие черты характера. Ведь характер выполняет роль как бы амортизатора, своеобразного буфера между личностью и средой, поэтому он во многом этой средой определяется. Во многом, но не во всем. Главное зависит от личности. Если личность направлена на приспособление, адаптацию к миру, то характер помогает это сделать. Если, наоборот, личность, направлена на преодоление среды или на преобразование ее, то характер помогает ей преодолеть среду или преобразовать ее. Согласно наблюдениям Е.Р. Калитевской, адаптивность и отсутствие шероховатостей, трудностей в так называемом «трудном возрасте» фиксирует адаптивный характер и потом приводит к тому, что человек испытывает в жизни много трудностей. И наоборот, внешне бурные проявления «трудного возраста» помогают человеку сформировать определенные элементы самостоятельности, самоопределения, которые помогают ему в будущем нормально жить, активно воздействовать на действительность, а не только приспосабливаться к ней.

В заключение разговора о характере я бы хотел рассказать про два варианта дисгармоничных взаимоотношений между характером и личностью, проиллюстрировав их на примерах двух российских самодержцев, взятых из работ замечательного русского историка В.О. Ключевского.

Первый из этих примеров - подчинение личности характеру, неуправляемость характера - иллюстрируется описанием Павла I.

«Характер доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться в ошибках, любитель правды, ненавистник лжи и обмана, заботлив о правосудии, гонитель всякого злоупотребления власти, особенно лихоимства и взяточничества. К сожалению, все эти добрые качества становились совершенно бесполезными и для него и для государства вследствие совершенного отсутствия меры, крайней раздражительности и нетерпеливой требовательности безусловного повиновения...

*Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 447.

Считая себя всегда правым, упорно держался своих мнений и был до того раздражителен от малейшего противоречия, что часто казался совершенно вне себя. Сам сознавал это и глубоко этим огорчался, но не имел достаточно воли, чтобы победить себя»*.

Второй пример - отсутствие личности, подмена ее характером, то есть наличие развитых форм внешнего проявления при отсутствии внутреннего содержания - являет императрица Екатерина II.

«Она была способна к напряжению, к усиленному и даже непосильному труду; поэтому себе и другим она казалась сильнее себя самой. Но она больше работала над своими манерами, над способом обращения с людьми, чем над самой собой, над своими мыслями и чувствами; поэтому ее манеры и обращение с людьми были лучше ее чувств и мыслей. В ее уме было более гибкости и восприимчивости, чем глубины и вдумчивости, более выправки, чем творчества, как во всей ее натуре было более нервной живости, чем духовной силы. Она больше любила и умела руководить людьми, чем делами...

... В своих дружеских письмах ... она как будто играет хорошо разученную роль и напускной шутливостью, деланным остроумием напрасно старается прикрыть пустоту содержания и натянутость изложения. Те же черты встречаем и в ее обращении с людьми, как и в ее деятельности. В каком бы обществе она ни вращалась, что бы ни делала, она всегда чувствовала себя как будто на сцене, поэтому слишком много делала напоказ. Она сама признавалась, что любила быть на людях. Обстановка и впечатление дела были для нее важнее самого дела и его последствий; поэтому ее образ действий был выше побуждений, их внушавших; поэтому она заботилась больше о популярности, чем о пользе, ее энергия поддерживалась не столько интересами дела, сколько вниманием людей. Что бы она ни задумывала, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела. Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства... В ней было больше славолубия, чем любви к людям, а в ее деятельности больше блеска, эффекта, чем величия, творчества. Ее самое будут помнить дольше, чем ее деяния»**.

Способности

Я перехожу теперь к следующей подструктуре личности нижнего, экспрессивно-инструментального уровня, а именно к способностям. О способностях высказано очень много противоречивых суждений, о них можно было бы говорить очень много и здесь, но я ограничусь рассмотрением их места в структуре личности, а также постараюсь развенчать бытующие о них мифы. О способностях ходит, пожалуй, больше противоречащих друг другу мифов, чем о любых других характеристиках личности. Вот основные из них:

- 1) Способности заложены в человеке от рождения.
- 2) Любые способности можно сформировать.
- 3) Люди изначально равны по своим способностям.

Один педагог в достаточно немолодом возрасте провел на себе следующий эксперимент. У него полностью отсутствовал музыкальный слух. И он начал постепенно, тратя на это очень много времени и усилий, разучивать по частям многоголосые фуги Баха. И он добился успеха и развил у себя очень хороший музыкальный слух. Это говорит о том, что можно сформировать любую деятельность, но большими усилиями. Способность, по определению, это свойство личности, характеризующее успешность ее в той или иной деятельности и возможность выполнения этой деятельности без избыточных усилий. Этот пример демонстрирует то, что можно обойтись без способностей, даже в такой сложной деятельности, но отнюдь не то, что способность можно формировать. То, что педагог у себя сформировал - это все-таки не способность.

Биологическая основа способностей тоже существует - это задатки. Каждый человек от рождения наделен определенными задатками. Но главное здесь то, что задатки неспецифичны по отношению к способностям, то есть на основе задатков нельзя предсказать, какие именно способности разовьются, сформируются на их основе. Задатки носят гораздо более общий

*Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983, с. 239-240.

**Там же, с. 49-50.

характер. На основе одних и тех же задатков могут сформироваться совершенно разные способности, а могут и одновременно несколько способностей или же ничего. Ключевым моментом здесь является практика обучения, реальное вхождение в соответствующую деятельность, в которой и развиваются соответствующие способности. Практика обучения может компенсировать не самые благоприятные задатки и способности и может привести к успеху за счет формирования индивидуального стиля, то есть такой индивидуальной организации этой деятельности, при которой бы использовались в максимальной степени сильные стороны человека и наоборот, компенсировались его слабые стороны. Возьмем игру в баскетбол. Существуют определенные задатки, благоприятствующие этому, и самый элементарный из них - высокий рост. На основании этих задатков производится отбор, и люди с этими задатками имеют больший шанс добиться успеха в данной деятельности. Но люди, не имеющие этих задатков, могут компенсировать это за счет другого построения деятельности - или за счет развития прыгучести, или за счет развития подвижности и т.д. То есть, любая деятельность многовариантна и открывает путь для оптимального использования индивидуальных особенностей через развитие индивидуального стиля.

Роли

От шекспировского сравнения мира с театром до создания психологической теории ролей прошло не одно столетие, но точностью этого сравнения психологи не устают восхищаться. Отвечая на вопрос «кто я?», люди очень часто описывают свои роли в устойчивых системах отношении с другими людьми: «мать», «жена», «преподаватель», «ученик» и так далее. Социальная роль как элемент структуры личности задается тем, что попадая в определенную систему отношений с другими людьми в том или ином качестве (преподавателя, жены и т.п.), человек сталкивается с определенными требованиями, которые неизбежно и неминуемо предъявляются тому, кто попадает на это место, с системой ожиданий, что в определенной ситуации он будет себя вести определенным образом. Основой, на которой формируется эти роли, являются социальные нормы. Часто говорят через запятую «нормы и ценности», но о ценностях чуть подробнее скажу дальше. Основное различие состоит в том, что если ценности задают некоторые конечные цели, к которым надо стремиться, но которых нельзя достигнуть, то нормы - это некоторые ограничители, задающие конкретные установления, которым нужно следовать и которые можно выполнить или не выполнить. При этом в каждой большой или малой социальной группе существует своя система норм, порождающая свою систему ролевых ожиданий. Человек, как правило, является носителем ролей, связанных с нормами разных социальных групп, к которым он принадлежит. Порой эти нормы предъявляют к человеку взаимоисключающие ожидания, что порождает так называемый ролевой конфликт. За примером далеко ходить не надо. В нашем обществе, да и не только в нем, приобрел угрожающие размеры ролевой конфликт работающей женщины, разрывающейся между обязанностями, которые накладывают на нее роль жены и матери, и ожиданиями, предъявляемыми к ней как к полноправному члену трудового коллектива.

Необходимо различать два класса ролей: конвенциональные и неформальные. Конвенциональные роли - это шаблоны, которым должен следовать любой человек, оказавшийся в данной ситуации: профессиональные роли (учителя, продавца, милиционера), роли пассажира, покупателя, избирателя, роли семейные (отца, матери, старшего брата и др.) ... Неформальные роли - это тоже некоторые устойчивые шаблоны, связанные с ожиданием от человека определенного поведения, но они не являются общими для всех требованиями, они более вариативны, зависят от того, что за человек выполняет эту роль. Например, конвенциональная роль матери может дополняться неформальными ролями заботливой матери, работающей матери и т.д., конвенциональная роль члена трудового коллектива - неформальными ролями лидера, знатока, марионетки, критика и т.д. По сути, неформальная или персональная роль - это роль самого себя. К человеку предъявляют ожидания, что он будет вести себя так же, как вел и раньше в подобной ситуации. Если он будет вести себя иначе - пусть так, как полагается, так, как другие, но не так, как этого ждут именно от него, возникнет дискомфорт в межличностных отношениях и,

весьма вероятно, конфликты. В определенном смысле мы оказываемся рабами собственного образа, «распяты на образе самого себя»*.

Очень часто в социальных группах существует достаточно четко определенная структура и иерархия таких неформальных ролей. Особенно жесткой она является в преступных сообществах. Впитывая, осваивая, усваивая, приобретая в общении с другими представления о нормах, существующих в обществе, человек тем самым формирует в себе определенную систему ролей. В детских и взрослых играх эти роли осваиваются, отрабатываются и оттачиваются.

Человек по сути всю свою жизнь занимается освоением новых и новых ролей: сначала он выполняет роль сына или дочери в своей семье, затем роль молодого неженатого человека или молодой девушки, потом роль мужа или жены и т.д. Каждую из ролей человек должен, во-первых, освоить технически, то есть воспринять для себя и овладеть ее содержанием - тем, что он должен делать в этом качестве, как себя вести, и, во-вторых, принять ее для себя. То есть существует сторона техническая и сторона смысловая (отношение к собственной роли). И в том, и в другом случае могут возникать сложности и внутренние коллизии. Первый типичный вариант - это неосвоение ролей, неосвоение определенной культуры поведения в той или иной конкретной социальной среде, социальной ситуации. В старых романах часто обыгрывались ситуации, когда провинциал или человек из низших сословий не знает, как себя вести в так называемом «приличном обществе», да и что с него взять? Обычно осмеянию подвергался как раз человек, не умеющий играть подобающую роль. Но эту ситуацию можно и повернуть совсем по-другому, как это сделано в популярном фильме «Данди по прозвищу Крокодил». Первая половина его построена именно по той схеме, которую я только что назвал - простак в светском обществе, не знающий «правила игры», общающийся с шофером и швейцаром в отеле как с добрыми приятелями и повергающий их этим в шок. Однако именно его поведение и оказывается к концу фильма наиболее нормальным, а шофер и швейцар действительно становятся его добрыми приятелями, и мы неожиданно видим за ролевыми оболочками незаурядную личность каждого из них, личность, которой помогло выступить на передний план именно нарушение ролевых «правил игры».

Вторая типичная проблема - это проблема неприятия ролей. Человек может прекрасно знать и представлять себе всю систему ожиданий, которые к нему предъявляются, но принципиально не хотеть им следовать. В этом случае можно говорить о неролевом или антиролевом поведении. Причем нередко, особенно в подростковом возрасте, человек не желает следовать роли просто из принципа, чтобы самоутвердиться, чтобы показать, что он есть нечто большее, чем роль. Это очень острая потребность, которая существует у людей в этом возрасте; она является движущей силой многих, в том числе иногда внешне очень странных поведенческих проявлений.

Если обратить внимание на тонкости внутреннего отношения к собственным ролям, то можно говорить о внутреннем принятии ролей, когда человек полностью со своей ролью сливается и выполняет ее уже как бы автоматически, или просто об «игрании» роли, когда человек ее просто изображает. «В первом случае роль овладевает личностью, а во втором личность овладевает ролью, используя роль как инструмент, как средство для перестройки своего поведения в различных ситуациях*». Возьмем для примера роль любящего супруга. Человек может ее выполнять как нечто слитое с ним, а может вести себя точно так же, но просто иначе внутренне к этому относиться, как просто к игранию роли. Те, кто в годы массовых репрессий оказались в роли исполнителей этих репрессий, разделились на тех, кто полностью слился с этой ролью («роль овладела личностью»), тех, кто в совершенстве владея ею, использовал ее для достижения своих карьерных или других целей, и тех, кто старался по мере сил дистанцироваться от этой роли, отделить ее от своей личности. Различие - во внутреннем отношении.

Но откуда берется и вообще что такое это внутреннее отношение - не только к своим ролям, чертам характера и вообще к себе, но и ко всему, с чем мы сталкиваемся в жизни? Человек пристрастен. Даже в жизни самого безучастного и застегнутого на все пуговицы «человека в

* Мамардашвили М. Беседы о мышлении // "Мысль изреченная..." / под ред. В.А. Кругликова. М., 1991, с. 17.

* Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990, с 355.

футляре» найдется немало того, к чему он равнодушен, что он принимает близко к сердцу, к чему он так или иначе относится. Знание того, что человек любит, а что ненавидит, к чему он относится серьезно, а к чему с пренебрежением, что для него важно, а что безразлично, дает, пожалуй, больше всего в плане познания личности как самого себя, так и другого человека с ее содержательной стороны. Вступая в эту область, мы переходим ко второму, содержательно-смысловому уровню анализа структуры личности.

Внутренний мир личности

Человек в мире и мир в человеке

Как мы убедились, характер, способности и роли - это еще не личность. Точнее, их можно включить (и обычно включают) в личность в широком ее понимании, но личность в узком, более точном понимании, то, в чем заключается ее суть, - это что-то другое.

Я уже говорил, что личность - это то, что присуще только человеку, что отличает его от животных. То, что присуще только человеку и вместе с тем каждому человеку, - это его внутренний мир. Внутренний мир - это не просто образ внешнего; такой образ есть и у животных, даже низших животных. Внутренний мир имеет свое специфическое содержание, свои законы формирования и развития, которые во многом (хотя не полностью) независимы от мира внешнего.

Начнем с того, что дает человеку обладание внутренним миром.

Поведение животных определяется двумя рядами факторов: внешними стимулами, вызывающими автоматические инстинктивные или прижизненно сформированные реакции, и внутренними состояниями напряжения тех или иных потребностей, от которых зависит готовность животного к тем или иным формам поведения и к реагированию на те или иные стимулы. Взаимодействие этих двух рядов может порождать иногда очень сложные механизмы детерминации поведения, но это поведение всегда оказывается подчинено только одной логике - логике удовлетворения актуальных потребностей.

Поведение человека также зачастую подчиняется именно такой логике и сводится к реагированию на стимулы и удовлетворению сиюминутных мотивов. Вместе с тем все поведение человека нельзя свести только к этому. Как точно заметил Гегель, обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь тогда, когда он сам позволяет им это*, различие двух логик человеческого существования четко представлено в концепции американского психолога Сальваторе Мадди**. Мадди выделяет у человека три группы потребностей. Две из них вполне традиционны и выделяются большинством психологов - это потребности биологические и социальные. Третья же группа потребностей никем раньше в подобные перечни не включалась. Мадди называет эту группу потребностей психологическими и включает в нее потребности в суждении, воображении и символизации.

Мадди описывает два типа развития личности в зависимости от того, какие потребности выходят у личности на первый план. В одном случае у человека безраздельно доминируют биологические и социальные потребности, а психологические очень слабы. В этом случае человек воспринимает самого себя как не более чем воплощение набора биологических нужд и социальных ролей и ведет себя соответственно им, то есть в соответствии с логикой, которую я выше назвал логикой удовлетворения актуальных потребностей. Мадди называет этот путь развития личности конформистским. При другом - индивидуалистском - пути развития личности главенствующее положение занимают психологические потребности, и это играет ключевую роль в изменении всей логики поведения. Человек выходит за пределы биологических нужд и социальных ролей, преодолевает ситуативность своего поведения именно благодаря суждению, воображению и символизации. С их помощью он строит не только картину мира как он есть, но и картину желательного мира и картины других возможных миров; он связывает в сознании актуальную ситуацию с многими другими обстоятельствами, которые не присутствуют в ней

* Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1971, т. 2, с. 26.

** Maddi S.R. The search for meaning // The Nebraska Symposium on Motivation 1970. Lincoln, 1971, p. 137-186.

непосредственно, в том числе с ее отдаленными причинами и последствиями; он обретает целостность картины мира во временной перспективе, становится способным планировать свои будущие действия и оценивать смысл любого своего действия либо внешнего обстоятельства в контексте не сиюминутной ситуации, а всей своей жизни, а порой и в более широком контексте. Выдающийся психолог нашего времени Виктор Франкл писал, что животное не является личностью, потому что для животного не существует лежащего перед ним мира; для животного существует лишь окружающая среда^{***}. Напротив, личность живет как раз не в среде, а в мире, отношения с которым она строит с помощью своего внутреннего мира на основе логики жизненной необходимости - логики, в свете которой каждое действие или обстоятельство выступает как имеющее в контексте всей жизни личности определенный смысл, иными словами, определенное место и роль. И если С. Мадди несколько упрощает картину, деля людей на два типа - конформистов и индивидуалистов, то я считаю более правильным видеть в этом скорее две логики поведения и существования, которые в разные моменты может демонстрировать один и тот же человек. Одна из них - реактивная логика, логика удовлетворения потребностей - наиболее прямолинейна и является общей для человека и животных, вторая - смысловая логика, логика жизненной необходимости - является исключительно достоянием человека. Человек может жить и действовать сообразно этой логике благодаря механизмам смысловой регуляции, которые образуют ядро внутреннего мира - второго уровня личностной структуры.

Внутренний мир - это не набор эзотерических сущностей, не имеющих ничего общего с внешним миром. Мы уже говорили, что внутренний мир включает в себя своеобразным образом преломленную и обобщенную внешнюю реальность, окрашенную тем смыслом, который она имеет для человека. Что является основными его составляющими? Конечно же, не сами объекты, явления и обобщенные категории внешней, объективной реальности. И не психические механизмы, отвечающие за их преломление в сознании человека. Основными составляющими внутреннего мира человека являются присущие только ему и вытекающие из его уникального личностного опыта устойчивые смыслы значимых объектов и явлений, отражающие его отношение к ним, а также личностные ценности, которые являются, наряду с потребностями, источниками этих смыслов. Поэтому в психологии иногда используют понятие «ценностно-смысловая сфера личности» для обозначения того, что на быденном языке называется внутренним миром человека.

С чего начинается смысл: потребности и ценности

Источниками смыслов, определяющими, что для человека значимо, а что нет, и почему, какое место те или иные объекты или явления занимают в его жизни, являются потребности и личностные ценности человека. И те и другие занимают одно и то же место в структуре мотивации человека и в структуре порождения смыслов: смысл для человека приобретают те объекты, явления или действия, которые имеют отношение к реализации каких-либо его потребностей или личностных ценностей. Эти смыслы индивидуальны, что вытекает не только из несовпадения потребностей и ценностей разных людей, но и из своеобразия индивидуальных путей их реализации.

Возьмем для примера агрессивные действия хулигана, которые многие юристы обычно классифицировали как «немотивированные» преступления. Психологический анализ показывает, что за ними стоят реальные мотивы и потребности, в частности, потребность в самоутверждении, которая присуща в той или иной степени всем людям. Однако у разных людей реализация этой потребности достигается разными путями: у одних - через творческие достижения, у других - через обогащение, у третьих - через успех у противоположного пола, у четвертых - через карьеру, и только у некоторых - через насилие, физическое подавление других людей. В отличие от большинства людей для хулиганов (впрочем, и для некоторых политиков) унижение и физическое

^{***} Frankl V.E. Der Wille zum Sinn. 2 Aufl. Bern, 1982, S. 116.

подавление других людей имеет смысл самоутверждения, истоки которого лежат в неблагоприятных условиях формирования их личности.

Но ставя во главу угла потребности, мы целиком ставим внутренний мир личности в зависимость от внешнего мира, в котором личность живет и действует. Такая зависимость существует, но кроме этого в личности есть некая точка опоры, позволяющая ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям. Эту точку опоры образуют личностные ценности.

Личностные ценности связывают внутренний мир личности с жизнедеятельностью общества и отдельных социальных групп. Любой социальной группе - от отдельной семьи до человечества как целого - присуща направленность на определенные общие ценности - идеальные представления о хорошем, желательном, должном, обобщающие опыт совместной жизнедеятельности всех членов группы. У каждой группы свой набор ценностей, они могут в большей или меньшей степени пересекаться между собой - от полного совпадения до полного несовпадения. Усваивая от окружающих взгляды на нечто как на ценность, человек закладывает в себя новые, независимые от потребностей регуляторы поведения. Конечно, отдельный человек не впитывает в себя автоматически все ценности даже тех социальных групп, членом которых он является. Превращение социальной ценности в личную возможно только тогда, когда человек вместе с группой включился в практическую реализацию этой общей ценности, ощущая ее как свою. Тогда в структуре личности возникает и укореняется личностная ценность - идеальное представление о должном, задающее направление жизнедеятельности и выступающее источником смыслов. Формальное отношение к социальным ценностям не приводит к превращению их в личностные.

Во внутренний мир личности потребности и личностные ценности входят в совершенно разном обличье. Потребности отражаются во внутреннем мире в форме желаний и стремлений, исходящих из Я, более или менее произвольных и потому случайных. Личностные ценности, напротив, отражаются в нем в форме идеалов - образов совершенных черт или желательных обстоятельств, которые переживаются как нечто объективное, независимое от Я. Например, влечение мужчины к женщине (или наоборот), с одной стороны, и восхищение ее (его) красотой или другими достоинствами, с другой, различаются как раз тем, что смысл другого человека в первом случае окрашен желанием и порождается сиюминутными потребностями, а во втором - окрашен определенными идеалами (красоты, добра, совершенства и др.) и порождается личностными ценностями. В отличие от потребностей, личностные ценности, во-первых, не ограничены данным моментом, данной ситуацией, во-вторых, не влекут человека к чему-то изнутри, а притягивают его извне, и, в-третьих, не эгоистичны, придают оценкам элемент объективности, поскольку любая ценность переживается как нечто, объединяющее меня с другими людьми. Конечно, эта объективность относительна, ведь даже самые общепринятые ценности, становясь частью внутреннего мира конкретного человека, трансформируются и приобретают в нем свои отличительные особенности.

Отношения

Устойчивые отношения являются другим важным элементом внутреннего мира. Отношения характеризуют как раз тот конкретный смысл, который имеют для человека отдельные объекты, явления, люди и их классы. Если число ценностей, значимых для отдельного человека, может измеряться в лучшем случае двумя-тремя десятками, то количество конкретных отношений, образующих смысловое богатство личности, может быть практически безграничным. Их тем больше, чем больше в мире вещей, которые человеку небезразличны. Пожалуй, из всех психологических структур, в которых так или иначе, воплощаются значимые для человека смыслы, отношения являются наиболее наглядными, видными невооруженным глазом даже неискушенному наблюдателю. Прямая связь отношений с главным в личности схвачена народной мудростью: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты».

Источником отношений служит, как правило, индивидуальный опыт, а высшими инстанциями, определяющими смысл для нас тех или иных людей, вещей и событий, - наши потребности и ценности. Например, если кто-то начинает чернить то, что для нас дорого, или мешает нам

выполнить намеченные нами действия и реализовать тем самым наши потребности, то у нас формируется неприязнь к этому человеку, которую впоследствии нелегко преодолеть. Поскольку задача ориентировки в сложном мире требует от нас вырабатывать свое отношение ко всему, с чем мы сталкиваемся, как можно скорее, первые контакты оказывают наибольшее влияние на формирование отношения. В социальной психологии хорошо известен и изучен эффект первого впечатления о человеке и его влияние на последующее отношение к этому человеку.

Отношения могут быть различной степени обобщенности: наряду с отношением к конкретным людям у каждого человека существует отношение к людям вообще, а также отдельные отношения к мужчинам, женщинам, старикам, молодежи, американцам, китайцам, евреям, русским, цыганам, москвичам, сибирякам, петербуржцам, артистам, ученым, колхозникам, военным, кооператорам, политикам, демократам, консерваторам, радикалам, продавцам, шоферам, проституткам, врачам, блондинам, блондинкам, брюнетам, рыжим, матерям-героиням, холостякам, одноклассникам, коллегам и т.д., и т.п. При этом отношение к конкретному человеку может расходиться с отношением к той категории людей, к которой он принадлежит. Это связано с тем, что отношение к конкретному человеку почти всегда определяется индивидуальным опытом общения с ним, а отношение к категории людей - это искусственное, всегда натянутое обобщение, допускающее массу исключений. Об этом уже шла речь в разделе, посвященном типам. Более близкое непосредственное знакомство может приводить как к укреплению, так и нередко к расшатыванию исходного отношения. Известный своими меткими афоризмами Г.К. Лихтенберг заметил: «так называемые плохие люди всегда выигрывают, когда их лучше узнаешь, а хорошие - теряют»*.

Наряду с отношением к целому могут существовать и отличные от него отношения к частям - например, к отдельным районам моего города я могу относиться совсем не так, как к городу в целом.

Многие закономерности формирования отношений к людям, вещам и событиям были сформулированы и с предельной четкостью описаны в «Этике, доказанной в геометрическом порядке» великого Бенедикта Спинозы. Вот две взятых наугад формулы, излагающие психологическую механику образования довольно сложных отношений: «Если мы воображаем, что кто-либо причиняет удовольствие предмету, который мы ненавидим, то будем и его ненавидеть». «Если кто воображает, что его кто-либо любит и при этом не думает, что сам подал к этому какой-либо повод, то и он со своей стороны будет любить его»**. Конечно, теоремы Спинозы не исчерпывают механизмы смыслообразования, но вдумчивый исследователь, да и не только исследователь, найдете них больше полезного для понимания внутреннего мира человека, чем во многих современных монографиях.

Конструкты

Наши потребности и ценности проявляются не только в форме отношений к конкретным людям, вещам, событиям и их обобщенным классам. Они проявляются и в том, какие критерии или признаки мы используем при их описании, классификации и оценке. Один и тот же человек использует разные критерии для описания и классификации разных объектов - это ясно. Но самое интересное, что разные люди пользуются разными критериями и признаками при описании одних и тех же объектов. Система этих критериев и признаков, для обозначения которых в психологии было введено специальное понятие конструкты, является важнейшей характеристикой внутреннего мира человека.

Это понятие было введено американским психологом Джорджем Келли, который поставил его во главу угла своей теории личности***. Келли первым обратил внимание на тот факт, что разные люди воспринимают, классифицируют и оценивают вещи, людей и события в разной системе понятий (конструктов), и что порой они склонны держаться за свои конструкты, даже если опыт явно показывает, что эти конструкты приводят к ошибочным оценкам и прогнозам. Так, Келли

* Лихтенберг Г.К. Афоризмы. - 2-е изд. - М., 1965, с. 159.

** Спиноза. Этика, доказанная в геометрическом порядке. М.; Л., 1932, с. 99, 111.

*** Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1955.

объясняет нетерпимость и агрессию именно неспособностью человека отказаться от своих привычных конструктов: «Если люди не ведут себя так, как он ожидает, он заставит их! Так его представление о них станет истинным!»****. Келли говорит об определяющем влиянии ядерных конструктов личности на всю ее психологическую организацию. По Келли, смысл дан человеку только в терминах его личных конструктов.

Большинство конструктов можно сформулировать в виде двухполюсных шкал, которые мы автоматически прикладываем к вещам, людям и событиям, фиксируя их положение на этой шкале. Человек - старый или молодой, умный или глупый. Книга - легкая или трудная, интересная или неинтересная. Погода - сырая или сухая, теплая или холодная. Многие конструкты описывают объекты и явления на языке их объективных свойств и не связаны напрямую с особенностями личности. Любой человек может оценить, тепло или холодно, хотя конкретные оценки могут различаться в зависимости от положения точки отсчета: одну и ту же погоду петербуржец оценит как теплую, а тбилисец - как холодную.

Но личность здесь еще ни при чем. Она выступает на сцену там, где мы начинаем использовать шкалы, описывающие не объективные, а субъективные измерения объектов - опасный или безопасный, хороший или плохой, удобный или неудобный, смешной, страшный, приятный... Сюда же относятся характеристики, которые, казалось бы, описывают сами объекты (людей, вещи, события) - добрый, злой, справедливый, агрессивный, умный, уродливый, - однако объективной меры всех этих черт не существует. Те конструкты, которые характеризуют собственно личность - смысловые конструкты - задаются присущими человеку потребностями и ценностями, и поэтому один их полюс всегда «хороший», связан с желаемым и ценным, а второй «плохой». По сути, любой смысловой конструкт соотносит объект или явление с какой-либо потребностью или ценностью личности, и поэтому по используемым человеком конструктам можно «вычислять» его потребности и ценности. «В семьях, где деньги не являются главной ценностью жизни, позиции «богатый - бедный» не воспринимаются как противоположности...».* Их противопоставление в форме личностного конструкта возможно, в свою очередь, в двух вариантах: «Бедность не порок, но большое свинство» и «Мир хижинам, война дворцам», которые различаются тем, какой из двух полюсов оппозиции «богатство бедность» выступает как «хороший». Связь с личностными ценностями здесь очевидна. Эту связь могут приобретать даже конструкты, описывающие объективные свойства предметов. В этом случае они как бы «склеиваются» с оценочно-смысловым измерением и начинают работать как смысловые. За примерами не надо далеко ходить, достаточно пробежать глазами десяток газетных брачных объявлений. Судя по основной их массе, наибольший смысл и ценность несет такая характеристика желательного партнера, как рост.

Благодаря существованию смысловых конструктов мы способны оценить любой предмет или явление, с которым мы сталкиваемся, не только через призму актуальных потребностей, но и соотнести его в принципе с любыми потребностями и ценностями, даже совсем в данный момент неактуальными. При этом чем более значимы для человека те или иные вещи или события, тем более сложная и индивидуально своеобразная система конструктов будет использоваться для их оценки.

Смысл жизни

Итак, мы рассмотрели второй уровень структуры личности - ценностно-смысловое измерение ее существования, ее внутренний мир. Источниками и носителями значимых для человека смыслов являются его потребности и личностные ценности, отношения и конструкты. В их форме в личности человека представлены все смыслы, образующие основу его внутреннего мира, определяющие динамику его эмоций и переживаний, структурирующих и трансформирующих его картину мира и ее ядро - мировоззрение. Все сказанное относится к любым смыслам, устойчиво

**** Там же, с. 512.

* Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988, с. 211.

укорененным в личности. Но на одном из этих смыслов стоит остановиться отдельно, поскольку по своей глобальности и роли в жизни человека он занимает совершенно особое место в структуре личности. Это смысл жизни.

Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни. Смысл жизни - это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл.

Одним фундаментальным психологическим фактом является широкое распространение чувства смыслоутраты, бессмысленности жизни, прямым следствием которого является рост самоубийств, наркомании, насилия и психических заболеваний, в том числе специфических так называемых ноогенных неврозов - неврозов смыслоутраты*. Вторым фундаментальным психологическим фактом является то, что на бессознательном уровне определенный смысл и направленность жизни, цементирующие ее в единое целое, складываются у каждого человека уже к 3-5 годам и могут быть выявлены в общих чертах экспериментально-психологическими и клинико-психологическими методами**. Наконец, третьим фактом является определяющая роль именно этой объективно сложившейся направленности жизни. Она несет в себе истинный смысл, а любые попытки сконструировать себе смысл жизни умозрительным рассуждением, интеллектуальным актом будут быстро опровергнуты самой жизнью. Лучше всего это иллюстрирует история духовных исканий Льва Толстого. После нескольких неудачных попыток найти смысл жизни и затем строить свою жизнь в соответствии с ним Толстой понял ошибочность самого подхода. «Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы сама жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже - разум, для того, чтобы понять ее.... Я понял, что если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его»***. Другим примером является драма Родиона Раскольникова, который построил образ себя, основанный на интеллектуально обоснованной идее превосходства. Однако этот образ не выдержал столкновения с реальной жизнью и привел не только к краху задуманного Раскольниковым предприятия, но и к смысловому краху.

Таким образом, можно утверждать, что жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, объективно имеет смысл, который однако может не осознаваться человеком до самой смерти. Вместе с тем жизненные ситуации (или психологические исследования) могут ставить перед человеком задачу на осознание смысла своей жизни. Осознать и сформулировать смысл своей жизни - значит оценить свою жизнь целиком. Не все успешно справляются с этой задачей, причем это зависит не только от способностей к рефлексии, но и от более глубоких факторов. Если моя жизнь объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу мое самоуважение. Чтобы сохранить самоуважение, я внутренне бессознательно отрекаюсь от истинного смысла моей реальной жизни и заявляю, что моя жизнь лишена смысла. На деле за этим стоит то, что моя жизнь лишена достойного смысла, а не то, что она не имеет смысла вообще. С психологической точки зрения главным является не осознанное представление о смысле жизни, а насыщенность реальной повседневной жизни реальным смыслом. Как показывают исследования, существует много возможностей обрести смысл. То, что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни). Чаще всего смысл жизни и мужчины и женщины видят в семье и детях, а также в профессиональных делах.

* Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

** Adler A. What life should mean to you. London, 1980.

*** Толстой Л. Исповедь // Собр. Соч. в 22 тт. М., т. 16, 1983, с 147, 149.

Опорный «скелет» личности

В поисках высшего уровня

Все, что говорилось до сих пор, можно отнести к любому человеку. У каждого есть тот или иной характер, более или менее разнообразные способности, каждый носит в себе множество простых и сложных ролей. Наконец, у каждого человека, даже у самого примитивного, есть свой внутренний мир, свои потребности и личностные ценности, которые сообщают смысл всему, с чем человек сталкивается, формируя отношения к ним и смысловые конструкты. Но после этого остается целый ряд вопросов. Во-первых; выше было сказано, что личность - это форма существования человека, но пока речь шла не о ней, а только о сложившихся структурах личности. Во-вторых, чем тогда отличаются человек, про которого с уважением говорят: «Вот это личность!», и безликий человек, не имеющий собственного мнения и не способный на самостоятельные поступки, которому в обиходе иногда даже отказывают в праве называться личностью? Мы согласились, что личностью следует называть каждого человека, но эти различия между людьми все же требуют объяснения. В-третьих, все сказанное не отвечает на вопрос о путях и механизмах становления и развития личности. Наконец, в-четвертых, речь пока шла о разных формах регуляции жизнедеятельности человека извне. Характер, способности и роли служат наилучшей адаптации, приспособлению человека к конкретным окружающим условиям и обстоятельствам. Внутренний мир, смысловая сфера личности связывает ее с реальностью мира как целого и регулирует ее жизнедеятельность согласно системе отношений личности с миром. Но в эту схему не укладываются проявления самодетерминации личности, когда личность осуществляет не столько внешнюю или внутреннюю регуляцию, сколько напротив, преодоление любой регуляции на основе осознанного выбора. В личности есть что-то такое, что позволяет ей не только управлять своим характером, способностями и ролями, но и своими побуждениями и смыслами, произвольно менять значимость и побудительную силу различных альтернатив в ситуации выбора, причем это как раз дано отнюдь не каждому. Можно говорить о трех возможных способах поведения человека: согласно сложившимся стереотипам, привычным способам действия (логика характера и роли), согласно отношениям с миром (смысловая логика жизненной необходимости) и согласно своему личностному выбору на основе свободы и ответственности. Но все описанные выше механизмы, как и подавляющее большинство психологических теорий личности, не дают объяснения специфически человеческим феноменам выбора, свободы и ответственности. Поэтому необходимо подняться на новый - экзистенциальный - уровень рассмотрения личности, на котором мы сталкиваемся с этими трудноуловимыми феноменами.

Трудность их постижения проистекает из того, что в личности мы не найдем некоей структуры, которую можно назвать «свобода» или «ответственность» или «выбор». Это не элементы или подструктуры личности как, скажем, способности, потребности, роли или отношения. Это именно способы, формы ее существования и самоосуществления, которые не имеют своего содержания. В процессе становления и формирования личности они занимают (или не занимают) центральное место в отношениях человека с миром, становятся (или не становятся) стержнем его жизнедеятельности и наполняются (или не наполняются) ценностным содержанием, которое придает смысл им самим. Наполняясь содержанием смыслового уровня они, в свою очередь, определяют линии развития смысловой сферы, создают то силовое поле, в котором она формируется.

Свобода, ответственность и духовность

О свободе и ответственности написано в психологической литературе немало, но преимущественно либо в публицистическом ключе, либо со сциентистским скепсисом, развенчивающим их «с научной точки зрения». И то и другое свидетельствует о бессилии науки перед этими феноменами. Приблизиться к их пониманию, на наш взгляд, можно; раскрыв их связь с традиционно изучаемыми в психологии вещами, однако избегая при этом упрощения.

Свобода подразумевает возможность преодоления всех форм и видов детерминации, внешней по отношению к человеческому глубинному экзистенциальному Я. Свобода человека - это

свобода от причинных зависимостей, свобода от настоящего и прошлого, возможность черпать побудительные силы для своего поведения в воображаемом, предвидимом и планируемом будущем, которого нет у животного, но и не у каждого человека оно есть. Вместе с тем человеческая свобода является не столько свободой от названных выше связей и зависимостей, сколько их преодолением; она не отменяет их действие, но использует их для достижения необходимого результата. В качестве аналогии можно привести самолет, который не отменяет закон всемирного тяготения, однако отрывается от земли и летит. Преодоление притяжения возможно именно благодаря тому, что силы тяготения тщательно учтены в конструкции самолета.

Позитивную характеристику свободы необходимо начать с того, что свобода является специфической формой активности. Если активность вообще присуща всему живому, то свобода, во-первых, является осознанной активностью, во-вторых, опосредованной ценностным «для чего», и, в третьих, активностью, полностью управляемой самим субъектом. Другими словами, эта активность контролируется и в любой ее точке может быть произвольно прекращена, изменена или обращена в другом Направлении. Свобода, тем самым, присуща только человеку, однако не каждому. Внутренняя несвобода людей проявляется прежде всего в непонимании действующих на них внешних и внутренних сил, во вторых, в отсутствии ориентации в жизни, в метаниях из стороны в сторону, и, в-третьих, в нерешительности, неспособности переломить неблагоприятный ход событий, выйти из ситуации, вмешаться в качестве активной действующей силы в то, что с ними происходит.

Ответственность в первом приближении можно определить как сознание человеком своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни, а также сознательное управление этой способностью. Ответственность является разновидностью регуляции, которая присуща всему живому, однако ответственность зрелой личности - это внутренняя регуляция, опосредованная ценностными ориентирами. Такой орган человека, как совесть, непосредственно отражает степень рассогласования поступков человека с этими ориентирами.

При внутренней несвободе не может быть полноценной личностной ответственности, и наоборот. Ответственность выступает как предпосылка внутренней свободы, поскольку лишь осознавая возможность активного изменения ситуации, человек может предпринять попытку такого изменения. Однако верно и обратное: лишь в ходе активности, направленной вовне, человек может прийти к осознанию своей способности влиять на события. В своей развитой форме свобода и ответственность неразделимы, выступают как единый механизм саморегулируемой произвольной осмысленной активности, присущей зрелой личности в отличие от незрелой.

Вместе с тем пути и механизмы становления свободы и ответственности различны. Путь становления свободы - это обретение права на активность и ценностных ориентиров личностного выбора. Путь становления ответственности - это переход регуляции активности извне вовнутрь. На ранних стадиях развития возможно противоречие между спонтанной активностью и ее регуляцией как разновидность противоречия между внешним и внутренним. Противоречие между свободой и ответственностью в их развитых зрелых формах невозможно. Напротив, их интеграция, связанная с обретением личностью ценностных ориентиров, знаменует переход человека на новый уровень отношений с миром - уровень самодетерминации - и выступает предпосылкой и признаком личностного здоровья.

Подростковый возраст является критическим с точки зрения формирования личности. На его протяжении последовательно формируется ряд сложных механизмов, знаменующих переход от внешней детерминации жизни и деятельности к личностной саморегуляции и самодетерминации, кардинальную смену движущих сил личностного развития. Источник и движущие силы развития в ходе этих изменений смещаются внутрь самой личности, которая обретает способность преодолевать обусловленность ее жизнедеятельности ее жизненным миром. Наряду с формированием соответствующих личностных механизмов - свободы и ответственности - происходит их содержательное Ценностное наполнение, что выражается в формировании

индивидуального мировоззрения, системы личностных ценностей и, в конечном счете, в обретении человеком духовности как особого измерения личностного бытия*.

О духовности следует сказать несколько слов особо. Духовность, как и свобода и ответственность, - это не особая структура, а определенный способ существования человека. Суть его состоит в том, что на смену иерархии узколичных потребностей, жизненных отношений и личностных ценностей, определяющей принятие решений у большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и культурных ценностей, которые не находятся между собой в иерархических отношениях, а допускают альтернативность. Поэтому принятие решений зрелой личностью - это всегда свободный личностный выбор среди нескольких альтернатив, который, вне зависимости от его исхода, обогащает личность, позволяет строить альтернативные модели будущего и тем самым выбирать и создавать будущее, а не просто прогнозировать его. Без духовности поэтому невозможна свобода, ибо нет выбора. Бездуховность равнозначна однозначности, предопределенности. Духовность есть то, что сплавляет воедино все механизмы высшего уровня. Без нее не может быть автономной личности. Только на ее основе может обрести плоть основная формула развития личности: сначала человек действует, чтобы поддержать свое существование, а потом поддерживает свое существование ради того, чтобы действовать, делать дело своей жизни**.

Пути, которые нам выбирают

Формирование этих структур и механизмов продолжается, по сути, на протяжении всей человеческой жизни. Однако подростковый возраст является сензитивным периодом с точки зрения формирования базовых механизмов самодетерминации, обеспечивающих в дальнейшем полноценное функционирование личности в изменяющемся мире. В этом возрасте окончательно определяется, каким путем будет идти дальнейшее развитие личности. Впоследствии изменить этот путь, повернуть личностное развитие с тупиковой дороги на единственно достойный человека путь будет возможно только ценой огромных душевных усилий и многолетней духовной работы. Основные пути, которыми может идти развитие личности, были выявлены в проведенном на старших подростках исследовании Е.Р. Калитеевской.

Автономный тип или путь развития личности был выявлен и у юношей, и у девушек. Этот тип - единственный, где налицо все основания говорить о прохождении подросткового- кризиса и о смене движущих сил личностного развития, выходе на уровень самодетерминации, основывающейся на свободе и ответственности. Люди, относящиеся к этому типу, отличаются устойчивым положительным самоотношением, опорой на внутренние ценностные критерии в ситуации принятия решения, ощущением своей личной ответственности за результаты своих действий. Родители предоставляли им самостоятельность, сохраняя эмоциональное принятие.

Симбиотический тип или путь также выделился и у юношей, и у девушек. Этот тип включает в себе предпосылки невротического развития личности. Люди, отнесенные к этому типу, испытывали эмоциональное отвержение и контроль со стороны матери, отношение как к маленьким со стороны отца. Им присуще неустойчивое и в целом негативное самоотношение, зависящее от внешней, прежде всего родительской, оценки, чувство личной ответственности за результаты своих действий, но вместе с тем принятие решений исходя из заданных извне критериев. Несвобода сочетается здесь с извращенной формой ответственности - с «ответственностью» а реализацию не своих, а чужих ценностей. По-видимому, характерное для данного типа родительское отношение складывается в период взросления ребенка как реакция на это взросление. У родителей возникает страх самостоятельности ребенка, и они, чаще всего бессознательно, стремятся сохранить его зависимость от них, делая свою любовь условной, наградой за желаемое поведение. Из страха потерять родительскую любовь подросток сохраняет ориентацию на родительские ценности - внешнюю опору в поведении. Родители пристально

* Франкл В. Цит. раб.

** Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977, с. 225.

контролируют и оценивают поведение ребенка, не принимая его в целом как личность. Тем самым у него формируется ориентация на «заработанное» признание.

Импульсивный тип или путь типичен для мальчиков, хотя возможны и исключения. Для людей, относящихся к этому типу, характерно неинтегрированное, диффузное, неустойчивое самоотношение скорее с положительным, чем с отрицательным знаком, внутренние критерии принятия решения, но при этом ощущение независимости результатов действий от собственных усилий. Отношение родителей к ним противоречиво; в нем как бы подчеркивается несостоятельность ребенка без явного отвержения. Позитивное в целом самоотношение дает такому подростку внутреннее право на активность, однако неразвитая саморегуляция делает недостижимой подлинную свободу, место которой занимает импульсивный протест, противопоставление себя другим. Структура самоотношения свидетельствует, помимо его неустойчивости, о самопривязанности, нежелании меняться и отсутствии идеалов. Таким человеком очень легко манипулировать. Рано или поздно он падет жертвой своей импульсивности и, несмотря на внутреннюю опору, подчинится внешним воздействиям.

Конформный тип, характерный, напротив, преимущественно для девочек, имеет общие черты с импульсивным. У людей, относящихся к этому типу, самоотношение неустойчиво, преобладает опора на внешние критерии принятия решения и чувство независимости результатов действий от собственных усилий. Для родителей таких людей характерно скрытое отвержение, выражающееся в формальном воспитании, формирующем ориентацию на внешние формальные стандарты «как все». Это же способствует формированию условно позитивного самоотношения, зависящего от внешней оценки, которую можно заслужить, ведя себя сообразно внешним требованиям. Такой человек может успешно адаптироваться к жизни ценой безоговорочного принятия внешних требований и оценок в качестве руководства к действию.

Автономный путь или тип развития является единственным путем, ведущим к достижению личностной зрелости и полноценного человеческого существования. Остальные три из четырех описанных типов, моделей или путей развития личности ведут в тупик. Отсюда видно, что личностная зрелость - это понятие не возрастное, а характеризующее путь, которым движется человек. Если истинная свобода постоянно порождает еще большую свободу*, то невроз порождает еще больший невроз, конфронтация - еще большую конфронтацию, а конформизм - еще больший конформизм. Вступив на один из этих путей (а выбор его во многом определяется особенностями родительского отношения в подростковом и более раннем возрасте), мы попадаем на конвейер, влекущий нас по жизни этим путем. Покинуть его возможно, однако лишь ценой больших внутренних усилий. В частности, основная задача любой серьезной психотерапии, какими бы методами она ни пользовалась - направить человека по автономному пути развития. Если эта задача будет решена, он уже больше не будет нуждаться в психотерапии.

Четыре описанных пути развития личности характеризуются разным отношением личности к собственной жизни, разной формой организации личностью собственной жизни или жизненной позицией. Это отношение или позицию можно охарактеризовать двумя параметрами: осознанностью и активностью. Осознанность характеризует степень выделения личностью себя из потока своей жизни, осознания несовпадения своего «Я» и объективно разворачивающегося жизненного процесса; отсутствие осознанности характеризует людей, для которых их «Я» неотделимо от того, что с ними происходит. «Осознание жизни превращает ее в подлинное бытие. Отсутствие осознания оставляет ее всего лишь существованием»**. Активность жизненной позиции - это способность личности управлять событиями своей жизни, активно в них вмешиваться. Личность с пассивной позицией не в состоянии воздействовать на свою собственную жизнь, она плывет по течению, подчиняясь потоку событий. Сочетания этих параметров дают четыре типа жизненной позиции, соответствующие четырем описанным моделям личностного развития. Действенная позиция характеризуется осознанностью и активностью; такой человек осознает течение своей жизни, способен стать по отношению к ней в активную позицию и

* Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990, с. 63.

** Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991, № 2, с. 35.

управлять ею. Она соответствует автономному типу личностного развития. Импульсивная позиция характеризуется активностью и отсутствием осознанности; такой человек стремится управлять своей жизнью, не будучи в состоянии ее хорошо осмыслить, управление им своей жизнью принимает характер хаотичных, импульсивных решений и изменений, не связанных единой логикой и жизненной целью. Она соответствует импульсивному типу развития. Созерцательная позиция характеризуется осознанностью и отсутствием активности; осознавая события своей жизни как нечто отдельное от своего «Я», такой человек, однако, не в состоянии на них воздействовать по причине либо убежденности в невозможности это сделать, либо невротической неуверенности в себе, своих силах и возможностях, либо и того и другого вместе. Эту позицию можно соотнести с симбиотическим типом личностного развития. Наконец, страдательная позиция - это отсутствие осознанности и активности по отношению к своей жизни, полное пассивное подчинение обстоятельствам, принятие всего, что происходит, как неизбежного и неконтролируемого. Она соответствует конформному типу развития.

Я - последняя инстанция в личности

Я - это форма переживания человеком своей личности, форма, в которой личность открывается сама себе. Я имеет несколько граней, каждая из которых была в свое время предметом интереса тех или иных психологических школ и направлений.

Первая грань Я - это так называемое телесное или физическое Я, переживание своего тела как воплощения Я, образ тела, переживание физических дефектов, сознание здоровья или болезни. При определенных психических заболеваниях или поражениях мозга может возникать чувство отчужденности от своего тела, ощущение его «не своим» или ощущение диспропорций, искажений своего тела. В форме телесного или физического Я мы ощущаем не столько личность, сколько ее материальный субстрат - тело - через посредство которого она проявляет себя и иначе проявить себя не может. Тело вносит очень большой вклад в целостное ощущение собственного Я - об этом всем известно на собственном опыте. Особенно большое значение телесное Я приобретает в подростковом возрасте, когда собственное Я начинает выходить для человека на передний план, а другие стороны Я еще отстают в своем развитии. Роль телесного Я можно проиллюстрировать открытым в начале нашего столетия эффектом компенсации и сверхкомпенсации органических дефектов.* Этот эффект проявляется в том, что люди, в детстве страдавшие либо реальными физическими дефектами, либо телесными недостатками чисто психологического свойства (малый рост), прилагают удвоенные усилия, чтобы компенсировать этот дефект развитием тех или иных черт характера, способностей и умений, и это не только часто им удается, но и нередко приводит к выдающемуся развитию тех или иных способностей.

Вторая грань Я - это социально-ролевое Я, выражающееся в ощущении себя носителем тех или иных социальных ролей и функций. Доминирование социально-ролевого Я - характерная черта бюрократа всех времен и народов, который мыслит себя как воплощение определенных должностных функций и государственных интересов - и ничего кроме этого его Я не содержит. Поэтому бесполезно апеллировать к его человеческим качествам. Вместе с тем у каждого человека Я неизбежно включает в себя определенные социально-ролевые компоненты, поскольку социальная идентичность человека, определение им себя в терминах выполняемых им социальных функций и ролей - достаточно важная, хоть и не самая главная характеристика личности.

Третья грань Я - психологическое Я. Оно включает в себя восприятие собственных черт, диспозиций, мотивов, потребностей и способностей и отвечает на вопрос «какой Я». Психологическое Я составляет основу того, что в психологии называют образом Я или Я-концепцией, хотя телесное и социально-ролевое Я тоже в него входят.

Четвертая грань Я - это ощущение себя как источника активности или, наоборот, пассивного объекта воздействий, переживание своей свободы или несвободы, ответственности или посторонности. Это то Я, которое является не представлением о себе, а некоторой первичной точкой отсчета любых представлений о себе, то Я, которое присутствует в формулах: «Мыслю -

* Adler A. Studie uber Minderwertigkeit von Organen. Munchen, 1907.

следовательно существую», «На том стою и не могу иначе». Его можно назвать экзистенциальным Я, поскольку в нем отражаются личностные особенности высшего, экзистенциального уровня, особенности не каких-то конкретных личностных структур, а общих принципов отношений личности с окружающим ее миром.

Наконец, пятая грань Я - это самоотношение или смысл Я. Наиболее поверхностным проявлением самоотношения выступает самооценка - общее положительное или отрицательное отношение к себе. Однако просто одним знаком самоотношение не опишешь. Во-первых, следует различать самоуважение - отношение к себе как бы со стороны, обусловленное какими-то моими реальными достоинствами или недостатками - и самопринятие - непосредственное эмоциональное отношение к себе, не зависящее от того, есть ли во мне какие-то черты, объясняющие это отношение. Нередко встречается высокое самопринятие при сравнительно низком самоуважении или наоборот. Во-вторых, не менее важными характеристиками самоотношения, чем его оценочный знак, являются степень его целостности, интегрированности, а также автономности, независимости от внешних оценок.

Все эти особенности самоотношения, накладывающие огромный отпечаток на всю жизнь человека, формируются родительским воспитанием. Позитивная самооценка, лежащая в основании внутренней свободы, создается любовью, а отрицательная самооценка, ведущая к несвободе, - нелюбовью. Целостное, интегрированное самоотношение, лежащее в основе ответственности, формируется личностно-пристрастным воспитанием, а мозаичное, противоречивое самоотношение, порождающее несамостоятельность, - безлично-формальным воспитанием и т.д.

Главная функция самоотношения в жизнедеятельности здоровой автономной личности - это сигнализация о том, что в жизни все в порядке или, наоборот, не все. Если мое самоотношение находится не на должном уровне - это для меня сигнал о том, что нужно что-то менять - но не в самоотношении, а в жизни, в моих отношениях с миром. Самоотношение, таким образом, является механизмом обратной связи, оно не является или, по крайней мере, не должно являться самоцелью или самооценностью. Но на деле бывает иначе. Главной целью для человека может стать сохранение положительной самооценки или избегание отрицательной любой ценой. В этом случае самооценка перестает отражать состояние реальных жизненных процессов и заслоняет от человека мир, а порой искажает его, если правдивая картина мира угрожает его самооценке. Активность человека в мире оказывается в этом случае лишь средством поддержания высокой самооценки. Но этот путь ведет в тупик. Высокая самооценка относится к таким вещам, которые могут быть доступны человеку лишь как побочный результат его активности, но ускользают от него, как только он пытается сделать их целью. В качестве других примеров можно, вслед за В. Франклом, назвать счастье и самоактуализацию. В другой связи Франкл напоминал о том, что назначение бумеранга - не в том, чтобы возвращаться к бросившему его, а в том, чтобы поразить цель. Возвращается только тот бумеранг, который не попал в цель. Слишком большое внимание, уделяемое человеком своему Я - признак того, что он не достиг успеха в реализации своих жизненных целей. «Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир»*.

Вместо заключения

Давать какое-то обобщение сказанному неуместно по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, изложение и без того было предельно сжатым и общим. Во-вторых, оно не представляет из себя какого-то завершенного куска, поддающегося закруглению. Напротив, оно противится закруглению и требует продолжать то, что было здесь только начато. «Очерк...» - это лишь начальное введение в проблемы личности, точка в котором поставлена условно, как, впрочем, почти в любой научной публикации. Многоточие было бы уместнее....

* Франкл В. Цит. раб., с. 120.

В заключение, для тех читателей, которые имеют профессиональный интерес к затронутым в «Очерке...» вопросам, приведу список основных публикаций, в которых отдельные вопросы получили более детальную проработку.

1. Трубицына Л.В., Леонтьев Д.А. Индивидуальность личности и индивидуальность характера // Психологические проблемы индивидуальности. Вып.2. - М., 1984, с. 36-40.
2. Леонтьев Д.А. Грани проблемы индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. Вып.3. - Л.; М., 1985, с. 17-23.
3. Леонтьев Д.А. К проблеме детерминации индивидуально-стилевых особенностей // Когнитивные стили. - Таллинн, 1986, с. 42-46.
4. Леонтьев Д.А. Проблема смысла в современной зарубежной психологии (обзор) // Современный человек: цели, ценности, идеалы. Выпуск 1. - М., 1988, с. 73-100.
5. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопр. психол., 1989, №3, с. 11-21.
6. Леонтьев Д.А. Деятельность и потребность // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. - М., 1990, с. 96-108.
7. Леонтьев Д.А. Человек и мир; логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия / отв. ред. Б.А. Парахонский. - Киев, 1990, с. 47-58.
8. Леонтьев Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник Моск. ун-та, сер.14. Психология, 1990, №3, с. 33-42.
9. Леонтьев Д.А. Осмысленность искусства // Искусство и эмоции: материалы международного научного симпозиума / под ред. Л.Я. Дорфмана. Д.А. Леонтьева, В.М. Петрова, В.А. Созинова. - Пермь, 1991, с. 57-70.
10. Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психол. журн., 1992, т. 13, №2, с. 107-120.